
ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ИРАНА

В.И. Юртаев

Кафедра теории и истории международных отношений
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена анализу основных положений внешнеполитической концепции созидательного взаимодействия президента ИРИ М. Ахмадинежада. В контексте участия Ирана в современных процессах трансформации международных отношений и глобализации рассмотрен процесс формирования «атомного портала» для входа в мировую политику и основные проблемы становления Ирана как нового регионального лидера.

Ключевые слова: внешняя политика, концепция созидательного взаимодействия, «атомный портал», новый региональный лидер, М. Ахмадинежад, Исламская Республика Иран.

В начале XXI века в условиях глобализации настал звездный час активно действующих государств второй линии — региональных лидеров, к числу которых подчас склонны отнести себя и державы первой линии: Индия, Китай, Россия. Эта часть новых влиятельных государств 1980-х гг. в условиях кризиса системы международных отношений после краха биполярного мира (1991 г.) продемонстрировала способность быстро наращивать свои силы и влияние в ситуации «униполюя», т.е. при гегемонии США. При этом группа сверхкрупных стран или стран-регионов (Бразилия, Россия, Индия, Китай) продемонстрировала свое стремление к трансрегиональной интеграции, к ним в начале 2011 г. присоединилась ЮАР — один из лидеров на африканском континенте. Возникла группа государств БРИКС. В другой группе стремительное превращение стран в новых региональных лидеров к середине первого десятилетия XXI в. произошло на основе устойчивого экономического роста и использования преимуществ малоформатной политики, когда в целом недостаточные для вхождения в число глобальных акторов ресурсы были сконцентрированы на достижении имеющих глобальное измерение региональных внешнеполитических целей. Здесь выделялась Исламская Республика Иран (ИРИ), многовекторная и многослойная внешняя политика которой имела выраженное глобальное и региональное измерения. В период президентства М. Ахмадинежада Иран, сохраняя приверженность политике относительной независимости от глобальных центров силы, активно включился в процесс формирования новой архитектуры региональных отношений, реализуя в сфере внешней политики концепцию созидательного взаимодействия (та'амол-е сазандэ).

Иран в географическом отношении замыкает на себя важнейшие для планирования возможной интеграции в Евразии евроазиатские широтные и меридианные транспортно-коммуникационные маршруты с возможным или уже состоявшимся участием всех ключевых государств континента, в том числе и России (МТК Север—Юг, газовый ОПЕК и др.). В условиях актуализации поиска новых оснований для развития Иран демонстрировал готовность к изменению действующей парадигмы системы международных отношений и началу, в том числе, межконфессио-

нального диалога цивилизаций в целях продвижения мессианского в своей основе проекта исламской революции.

Будучи переизбранным на второй срок в 2009 г. президент ИРИ М. Ахмадинежад продолжил деятельность по реализации новой программы вхождения ИРИ в мировую систему международных отношений на основе концепции созидательного взаимодействия. Подробно изложенная осенью 2008 г., эта внешнеполитическая концепция предполагала «проведение действенной, гибкой (пуйа), влиятельной и нацеленной политики.., уход из провальных зон и присутствие в зонах прорыва, вхождение в пространство мировой политики в качестве сильного игрока, переход от этапа разрядки к более высокому уровню [отношений] на международной арене». Деятельность по реализации концепции созидательного взаимодействия должна была структурироваться по шести уровням: 1) международный; 2) развивающийся мир; 3) мир ислама; 4) Средний Восток (ховар-э мийанэ); 5) соседи; 6) национальный [5. С. 116—130].

Среди основных характеристик внешней политики Исламской Республики Иран в начале 2010-х гг. иранские исследователи выделяли первичные принципы, среди которых первым обычно назывался принцип: «Отрицание господства и несогласие с угнетением: величие», т.е. установка на «полное отрицание и подавление всякого рода господства (сальтэ), угнетения (сэтамгяри) и согласия с угнетением (сетапазири)» [3. С. 130]. Такая позиция данного принципа не случайна. Во-первых, применение первого принципа в сфере внешней политики требовалось постоянно, что определяло его имманентный характер и основополагающее значение. Во-вторых, значимость этого принципа определяется Конституцией ИРИ, в тексте которой содержится прямое запрещение на «стремление или подчинение господству (сальтэджуйи ва сальтэпазири)» (ст. 152) во внешнеполитической деятельности; отрицается «любая устремленность к угнетению и угнетательству (сэтамгара ва сэтамкеши), господству или согласию с господством (салтэгари ва салтэпазири)» (ст. 2); и запрещены любые договоры, ведущие к «иностранному господству» в какой-либо из сфер жизни страны (ст. 153). Кроме того, для обоснования первого принципа использовалось изречение имама Хомейни о том, что «Народ Ислама следует путем (мактаб), суть которого кратко можно выразить в двух словах: „Не угнетай и не будь угнетенным“, — поскольку Всевышний „не дал господства ни одному из неверных (каффар) над мусульманами и поэтому мусульмане не должны соглашаться с угнетением с их сторон“» [3. С. 130]. Из рассмотренного методологического по своей значимости «первого» принципа вытекали важные следствия: а) недопущение господства [со стороны] неисламских стран при сотрудничестве с ними; б) борьба с высокомерием (эстэқбар) и режимом гнета (золм), господства (салтэ) и несправедливости, которые присутствуют в мире. Тем самым определялись важнейшие приоритеты при реализации внешней политики ИРИ на всех направлениях. Сказанное позволяет сделать вывод о том, что именно на основе первого принципа «Отрицание господства и несогласие с угнетением: величие» происходило формирование глобального измерения внешней политики ИРИ, кристаллизация которого произошла в период президентства М. Ахмадинежада.

При этом существенно отметить следующее немаловажное для понимания особенностей современной иранской дипломатии обстоятельство. Положенное в основу внешнеполитической концептуалистики ИРИ исламское обоснование указывает на матричную природу современной иранской внешнеполитической деятельности, основные характеристики которой задаются в соответствии с первым принципом и реализуются не только на глобальном, но также на региональном и локальном уровнях.

Вторым принципом, определившим и соответствующее направление внешней политики ИРИ, была признана «Борьба с угнетением (золмсатизи), за справедливость (эдалатхахи), против высокомерия (эстэжбарсатизи)». Установка на борьбу с несправедливостью считалась традиционной ценностью иранцев еще с доисламских времен и, будучи дополненной положением о неприятии колониализма, вошла в современную внешнеполитическую риторику ИРИ как борьба с высокомерием (эстэжбарсатизи). В соответствии со вторым принципом в сфере внешней политики ИРИ сформировалось направление борьбы с высокомерием.

Третьим принципом внешней политики ИРИ, как правило, назывался принцип «Поддержки обездоленных и освободительных движений» [З. С. 135]. На основании этого принципа было сформировано второе направление во внешнеполитической деятельности ИРИ, что подкреплялось ссылками на Конституцию ИРИ (ст. 154; ст. 3, п. 16), текст Корана (сура Неса, аят 75) и соответствующие высказывания Р. Хомейни.

Четвертым принципом внешней политики ИРИ был определен принцип «Поддержка и защита мусульман». На его основе формировалось третье направление внешнеполитической деятельности ИРИ, поскольку мусульмане мира образуют единую Умму. Исламское правительство (доулат-э эслами) обязано их поддерживать и защищать, исполняя при этом обязанность «братского договора» такого правительства перед мусульманами (при этом обычно ссылаются на статьи 3 и 159 Конституции ИРИ.).

Пятым принципом, определившим соответствующее направление внешней политики ИРИ, стало «Мирное сосуществование и борьба за мир». Иранские специалисты в области внешней политики обращали специальное внимание на пятый принцип, поскольку именно здесь, по их мнению, становится очевидной суть миролюбивой внешней политики ИРИ, направленной на защиту своей страны и решение внешнеполитических проблем мирными средствами. Особенно подчеркивалось, что нормой для внешней политики являются мир и стабильность как на международном, так и на региональном уровнях, а война — исключением. Исламское обоснование данного принципа исходит из утверждения, что ислам предписывает мусульманам искать мира и воздерживаться от агрессии (при этом обычно ссылаются на Коран: сура Бакра, аят 208; сура Хеджрат, аят 9; сура Момтаханэ, аят 8; сура Анфал, аят 61). Исламское миролюбие реализуется на трех уровнях: — «между мусульманами»; — между мусульманами и «людьми книги»; — между мусульманами и неверными, которые не воины» [З. С. 135—136]. Ислам предписывает выстраивать отношения мусульман с неверными на основе мира, если они следуют путем истины (хакк), а не путем вражды. В случае враж-

дебности неверных, когда нет другого выхода, мусульманам предписан джихад. Можно отметить, что за свою более чем 30-летнюю историю ИРИ действительно осталась в прежних, дореволюционных границах, несмотря на 8-летнюю ирано-иракскую войну, начатую Ираком, и кризисные ситуации в Афганистане и в Ираке.

Шестой принцип — «невмешательство во внутренние дела стран и взаимное уважение» — рассматривался как необходимый для реализации пятого принципа с тем, чтобы не допустить сползания к войне между государствами, и имеет конкретное практическое воплощение в «политике удаленности» (э'тэзал) или «нейтралитета и невмешательства» [3. С. 138]. Использование коранического «э'тэзал» проявляет исламское обоснование шестого принципа внешней политики ИРИ (сура Неса, айаты 90 и 91), предписывающего, в том числе, ожидать от государства неверных, во внутренние дела которого не вмешивается исламское государство (например, ИРИ), такой же ответной политики невмешательства. В области практического применения шестого принципа предполагалось использовать действующие международные организации и структуры.

Седьмым принципом, определившим соответствующее направление внешней политики ИРИ, является «Соблюдение договоров и международных законов». Исламское обоснование данного принципа восходит к исламскому принципу (асл) «исполнения договора» (вафаи бе ахд), которое применялось на личном, общественном и политическом уровнях как предписанное и необходимое. Отметим, что в истории именно этот принцип был реализован в отношениях с немусульманским населением завоеванных арабами стран, что во многом обеспечило становление арабского халифата в VII веке.

Рассмотренные семь первичных принципов внешней политики ИРИ образуют стройную, исламскую в своем исходном обосновании, систему внешнеполитической концептуалистики, имеющей выраженную матричную природу. В соответствии с этой матрицей формируются основные направления внешней политики Исламской Республики Иран, которые реализуются на глобальном, региональном и локальном уровнях.

Иранская внешняя политика нацелена на обеспечение национальных интересов страны, которые определялись как набор ценностей. Главной ценностью было признано «продолжение жизни нации (бага-йе мелли) или сохранение существования страны». В понятие существование страны были включены: 1) территориальная целостность; 2) независимость; 3) действенность основных структур государственного управления; 4) самообеспеченность и самодостаточность; 5) международная известность и доверие; 6) саморасширение (ходэттэса'и) [3. С. 142]. Ценности сохранения исламской революции, обороны и безопасности Исламской Республики были отнесены к следующему разряду — сущностные интересы (манафэ-йе воджуди) государства, соблюдение которых не обсуждается и должно обеспечиваться всеми доступными средствами, включая применение силы [3. С. 145]. Третьими в иерархии ценностей были признаны «жизненные интересы» (манафэ-йе хайати) государства, несоблюдение которых могло иметь долговременные последствия для процветания страны, политической обстановки и экономического

благополучия государства, создавая прямые угрозы для существования ИРИ. Эта группа интересов определяла место Исламской Республики Иран в мире. К числу этих интересов были отнесены: идеологические интересы ИРИ и обеспечение международной безопасности. В начале XXI в. в число жизненных интересов ИРИ был включен также мирный ядерный потенциал Ирана. При этом подчеркивалось, что в отличие от сущностных интересов, обеспечение которых всегда связано с «быстрым и ограниченным временем», скорость реализации жизненных интересов определяется существующей международной конъюнктурой и требует готовности к продолжительному и тщательно выверенному переговорному процессу. Далее шли важные (мохэм) или основные; частные (хашийе-и) или малозначимые интересы. Их обеспечение не предусматривало использование военной силы и должно было преимущественно достигаться дипломатическим путем [3. С. 145—146]. Партнерство с крупнейшими странами мирового сообщества, уважение к великому историческому прошлому Ирана, восприятие его современных лидеров как лидеров ведущей мировой державы — вот те принципиальные условия, которые определяют сегодня подход руководства ИРИ при обсуждении проблем национальной безопасности, в том числе вопросов развития иранской атомной программы.

Среди факторов, оказавших глубинное влияние на формирование фундаментальных особенностей внешней политики Ирана, специалисты Центра документации и истории дипломатии МИД ИРИ в 2000 г. предложили выделять четыре группы по следующим основаниям: 1) географические; 2) историко-культурные; 3) экономические (нефтяной фактор); 4) международные (мировой порядок). География Ирана рассматривалась как источник его стратегической глубины и геополитической наполненности. Иранские ученые полагали, что в культурно-социальном отношении Иран граничит с тремя материками (горэ): азиатским, арабским и русским. В новейшее время Иран находился между тремя великими империями: русской (затем — СССР), британской и османской (затем — турецкой) [4. С. 100—108]. Подобное ключевое географическое расположение страны между Ближним Востоком и азиатскими государствами, а также Индией не могло не оказывать воздействия на внешнюю политику Ирана, формируя ее характерные черты. Во внешней политике Ирана проявились такие характеристики иранской культуры, как: стойкая (пайедари, означает также долговременность и устойчивость), гибкая (энэтафпазири), подвижная (сайал) и актуализирующаяся (хозур), что определило ее культурную наполненность [4. С. 105].

Как можно заметить, первая, третья и четвертая группы образовывали общее основание для внешней политики Ирана независимо от правящего в нем режима. Различия возникают только в рамках изменений во второй группе — историко-культурных оснований. Неслучайно поэтому даже беглое сравнение внешней политики шахского Ирана и Исламской Республики показывало значительное сходство направлений и форматов их реализации. Так, заявленные М. Ахмадинежадом генеральные ориентиры Ирана — стать «исламской Японией», т.е. занять первое место к 2025 г. в экономике, науке и технологиях в регионе в целом — во многом повторяли планы шахского Ирана периода 1970-х гг. В течение первого президент-

ского срока М. Ахмадинежада во внешней политике ИРИ заметно проявилось региональное измерение, особенно в отношениях со странами Латинской Америки (Венесуэла, Бразилия и др.) и Шанхайской Организацией Сотрудничества (ШОС). При шахе Иран активно продвигался в Индийском океане, вплоть до ЮАР, и претендовал на роль регионального силового центра, которого подчас именовали в прессе «жандармом на Среднем Востоке». Шах претендовал на особую миссию Ирана с его 2500-летней традицией «шахиншахского строя» и планировал создать Клуб коронованных особ мира, для чего начал строительство «Лас Вегаса Востока» на о. Киш в Персидском заливе. Об особой миссии иранского народа и Ирана как страны древней цивилизации заявил в 2006 г. и президент ИРИ М. Ахмадинежад.

Международная изоляция, не соответствовавшая представлениям иранского руководства о величии страны, способствовала развитию иранской ядерной программы и возникновению нового стратегического направления во внешней политике — ядерной дипломатии, что не имело аналогов в международной практике. В 2010 г. Тегеран де факто начал использовать «атомный портал» для входа в мировую политику, решая тем самым принципиальную задачу выхода ИРИ из международной изоляции. Подобная динамичная трансформация атомного фактора и возникновение на его основе стратегического направления внешнеполитического курса государства очень показательна для процесса глобализации и требует специального изучения.

Активно разворачивавшийся с конца XX в. иранский атомный проект при президенте М. Ахмадинежаде (с 2005 г.) стал выражением стратегического консенсуса политических элит Ирана. Реализуемая программа развития атомной энергетики ИРИ предусматривала производство к 2025 году 7 тысяч мегаватт атомной электроэнергии. Еще в августе 2004 г., при президенте ИРИ М. Хатами, Совет по атомной энергетике ИРИ утвердил данное решение [2]. Это означало, что требуется построить еще шесть блоков общей мощностью 6000 МВт. Всего же в Иране рассматривалась возможность строительства 20 АЭС [1]. 21 августа 2010 г. в Иране произошло историческое событие — состоялся физический пуск энергоблока первой иранской атомной электростанции в Бушере. Тем самым завершился первый этап развертывания в ИРИ программы мирного атома.

Сопоставительный анализ показывает, что найденные в шахском Иране форматы внешнеполитического присутствия практически не изменились в Исламской Республике, однако они были наполнены исламским содержанием. Соответственно, иным во внешней политике ИРИ стал и подбор партнеров, из числа которых исчезли страны Запада во главе с США, сотрудничество с Израилем сменилось агрессивной враждебностью, были легализованы связи с палестинским движением сопротивления, шиитскими военизированными организациями в Ливане и др. Силовое присутствие Ирана в регионе и в мире осуществлялось теперь под флагом экспорта исламской революции и также имело заметное глобальное и региональное измерения.

Важным фактором, влиявшим на стремление Тегерана проводить активную региональную политику, следует считать общую ситуацию в регионе Среднего Востока, где Исламская Республика Иран находится в окружении стран (Ирак, Афганистан), которые фактически потеряли свою государственность и независи-

мость. Фактор наличия в регионе контролируемых государств усиливает напряженность на основном протяжении сухопутных границ Ирана и также обуславливает значимость соблюдения принципа невмешательства во внутренние дела государств во внешней политике ИРИ.

Определив амбициозные планы развития к 2025 г., Тегеран приступил к проведению активной внешней политики, направленной на решение двуединой задачи — сохранения строя исламской республики и создания условия для вхождения Ирана в число ведущих государств — членов клуба с условным названием Многополярный мир. Именно поэтому региональная политика ИРИ имеет глобальное измерение, а складывающиеся альянсы выходят далеко за рамки Среднего Востока и Юго-Восточной Азии. 22 августа 2010 г. Президент ИРИ М. Ахмадинежад, обращаясь к меджлису (парламенту) и правительству, отметил, что «Иран установил особые отношения как минимум с 40 странами мира в банковской и страховой сферах, импорта и экспорта, и второй его шаг состоит в том, чтобы правительство воспользовалось ситуацией для создания нового международного порядка для выхода из-под господства капиталистического строя». Первым шагом станет всесторонняя экономическая самообеспеченность [6].

В своем стремлении к независимости Иран, в конечном счете, решал задачу сохранения своей цивилизационной идентичности. Однако сложившаяся среда евразийской политики инерционна, в том числе и в силу накопленного странами континента военного потенциала. Как показала практика «арабской весны» (2010—2011 гг.), сохраняется преимущественная логика реализации геополитических сценариев, что не только не исключает эскалацию конфликтных ситуаций, но и прямо их провоцирует. В условиях «геополитической накачки» региона Иран пытается стать одним из ключевых игроков в сложной игре на Ближнем и Среднем Востоке, параметры которой определяются, прежде всего, США и странами Европейского Союза, Китаем и Россией. Во втором десятилетии XXI в. ответ на данный вызов придется искать в условиях недостатка доверия к внешнеполитическим инициативам ИРИ.

Ставший с 1991 г. «мэйнстримом» развития человечества процесс глобализации придал новое измерение иранской внешней политики, органично связав универсалистские основания исламизации с современным прочтением иерархии международных отношений. Можно было бы предложить Тегерану подумать о статусно-технологическом взаимодействии, т.е. об эффективном диалоге с внешним миром в рамках региональной интеграции в сферах, сотрудничество в которых будет определять развитие мира в XXI веке как созидательном выходе из тупиков «ядерного соблазна».

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Газета «Мехр», 29.01.2005. (на перс. яз.)
- [2] Газета «Хамшахри», 23.08.2004; Газета «Шарг», 26.02.2005. (на перс. яз.)
- [3] *Дехгани-Фирузабади Д.С.* Сийасат-э хареджи-йе джомхури-йе эслами-йе Иран. — Тегеран: Сазэман-э мотале'э ва тадвин-э кетаб-э алум-э энсани-йе данэшгахха (Самт), 1388. [*Дехгани-Фирузабади С.Д.* Внешняя политика Исламской Республики Иран. — Тегеран, 2009/2010.] (на перс. яз.)

- [4] Зоуки И. Авамэл-е мо'асэр бар сийасат-э хареджи-йе Иран // Тарих-е равабэт-е хареджи. Фаслнамэ. Сал-е аввал. — 1378, зэмэстан. — № 1 [Зоуки И. Факторы, воздействующие на внешнюю политику Ирана // История внешней политики. Ежеквартальный журнал. — Тегеран: Центр документации и истории дипломатии МИД ИРИ, 2000. — № 1.] — С. 99—110. (на перс. яз.)
- [5] Моулана С.Х., Мохаммади М. Сийасат-э хареджи-йе джомхури-йе эслами-йе Иран дар доулат-э Ахмадинежад. — Техран: Нашр-э додгостар, 1387, паиз. [Моуляна Хамид, Мохаммади Манучехр. Внешняя политика Ирана при правительстве М. Ахмадинежада. — Тегеран: Нашр-э додгостар 2008.] (на перс. яз.)
- [6] URL: <http://president.ir/fa/?ArtID=23447>

PECULIARITIES OF MODERN FOREIGN POLICY OF IRAN

V.I. Yourtaev

Theory and History of International Relations Chair
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

The article is focuses on the analysis of the main peculiarities of modern foreign policy of iranian President M. Ahmadinejad, his constructive interaction concept in foreign policy. The formation of the nuclear gate for entering into world policy and basic problems of Iranian development as a new regional leader in the context of globalization and international relations transformation process are considered.

Key words: foreign policy, constructive interaction concept, nuclear gate, new regional leader, M. Ahmadinejad, the Islamic Republic of Iran.